

ГАБСБУРГИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Чечиков А.А.

18+

Александр Александрович Чечитов

Габсбурги

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70228048

SelfPub; 2024

Аннотация

Где-то в средневековой Европе, на одинокой дороге в лесной глуши расположился дом – логово каннибалов. Его обитатели Габсбурги, чьё нутро сгнило, как и всё, что их окружает. Их пир велик, но забвение уже близко. История склизкая и гадкая, как и дела этой семьи.

Александр Чечитов

Габсбурги

Обычно с раннего утра, до позднего вечера семья Габсбургов находилась в своем обветшалом, тёмном от чёрной плесени доме, насквозь пропахшем густым запахом пота, мочи и человеческой крови. Половину большого, двухэтажного здания Габсбурги отвели для постоянного двора, откуда заезжие верхом путники почти никогда не выбирались живыми. Мёртвыми и подавно. Покосившийся, местами упавший забор открывал взору случайно оказавшегося здесь человека, наваленные перед окнами кучи старого, истёртого ветром и дождём хлама. Нагромождённые скопом отбросы, вперемешку с многочисленными мелкими кусками мясной трухи походили на останки безобразного, гигантского животного, перед гибелью разбившего всё вокруг в щепки. Чуть поодаль располагался широкий, скотный двор, где обитали преимущественно свиньи. Именно их мощные, ненасытные челюсти завершали гнойные забавы владельцев дома. Для редких гостей, застигнутых сумерками в пути и не имевших возможности найти в густых, окрестных лесах иного пристанища на ночь, это было единственным доступным ночлегом. Или почти. Во всяком случае, путников привлекала, в том числе и смешная плата за постой. Настоящую цену узнавали они, слишком поздно.

Выцветший, хромоногий Брам Габсбург, как правило, сидел в своём кривом, сыром, пропахшем кислой сыростью кресле перед закопченным, полуразрушенным камином. Кожа, на его шее и щеках обвисла. Неаккуратно соскользнув вниз к груди, она напоминала скорее мокрую, половую тряпку, чем привычную часть человеческого тела. Левая рука, однако, как и в прежние времена при необходимости крепко сжимала пожелтевшую рукоять ножа сточившегося до середины основания. Седые его волосы, скатавшись, превратились на затылке в смоляные веревки. Мешковатая, засаленная холщовая одежда, с большими, просторными карманами блестела лунным светом на рукавах и пояснице. Приступы кашля, сопровождаемые короткими грудными спазмами, вырывались из груди Брама почти каждую минуту, сотрясая пыльный воздух комнаты.

Иссушенный временем Брам не любил города, и по собственным подсчётам не выбирался на своей замызганной, скрипучей бричке из дома более двадцати раз за всю жизнь. В крошечном Водоро, унылом, провинциальном городке, расположившемся от дома Габсбургов на пятьдесят миль к югу, около двадцати четырех лет назад Брам встретил Магбету. Тогда полнотелая, бойкая женщина в самом рассвете сил, она показалась ему самым прекрасным существом на свете. Теперь все изменилось. Раздражительная душа ста-

рика скручивалась в узел от малейшей безделицы, и тогда Брам рычал на жену, будто полуслепой, цепной пес, не разбирающий дня и ночи. Бочкообразная Магбета давно утратила прежние очертания юности, и единственное, что удавалось ей с неизменным успехом это злить постаревшего мужа. Верх тела Магбеты сполз к коленям, а бугристые, потные руки напоминали срубленные, исполосованные многочисленными линиями стволы вековых деревьев. Остатки её кривых зубов, покрывшись налетом угольного цвета, робко выглядывали кое-где из-под верхней губы. Зловонное дыхание отдавало выгребной ямой, когда расплывшись в хитрой улыбке, она предлагала гостям переночевать у них в доме. Несмотря на несообразность постаревшего тела, волосы Магбеты лоснились прежним, ярко – черным окрасом. Крепкой, тугой косою она гордилась более всего, оставляя свою голову почти круглый год не покрытой.

– Займись скотиной. Дубина! – крикнула Магбета внутрь комнат, небрежно оторвав Брама от затачивания лезвий его любимых клинков, – оставь уже, эти чёртовы ножи...

– Дрянь. Зачем только я с тобой связался?! Будь ты неладна жирная мразь, – сплюнув в сторону, бурчал угрюмо старик, изрыгая густые проклятия себе под нос. Зная бесполезность спора с Магбетой, он нехотя поплелся на скотный двор. Открыв широкую, тяжелую, деревянную крышку об-

битого железом ящика, Брам стал неспешно заполнять измятые металлические ведра рвотной жижой и ломтями си-невато – розового мяса. Крупные, склизкие куски выскаль-зывали из рук, то и дело, падая на землю. Сегодня Брам был зол на многое. Сын принес мало дичи из леса, несмотря на свою нечеловеческую силу и, казалось бы, сверхъестествен-ную точность в стрельбе. Занозливая Магбета, кажется, вор-чала больше прежнего, да и голова к тому же с утра кружи-лась, отвлекая от привычных дел.

– О! Как это мы пропустили тебя?! – ехидный оскал скри-вил тонкие, растрескавшиеся губы Брама кверху. Самодо-вольные, дугообразные линии потянулись во множестве от уголков рта и глаз, а у нижней губы появилась вязкая, ко-ричневатая слюна. Забыв обо всём, Брам начал привычную, сладострастную работу. Старик попытался рывками стянуть с разбухшего пальца руки золотое кольцо. Безуспешно по-пытывшись над куском липкого мяса, он, наконец, вспомнил о ноже, висевшем на поясе. С мастерством рыночного мясни-ка, Брам отделил, блестящее украшение от увядшей плоти. В ушах вдруг зазвенело. Мысли, потеряв всякое направление, замерли. Почему это произошло, Брам не понял. Уже лёжа на земле, он почувствовал еще удар, после чего уже не смог открыть глаза. Сжимая рукоять молотка, дрожащие, малень-кие ручки усердно поднимались над разбитой головой ста-рика. Зеленые зрачки Брама остановились, в то время как

рот застыл, неумело изобразив последнюю, скорбную гримасу. Забрызганная кровью девочка, стоявшая у мёртвого тела Брама, тяжело дышала. Невысокая, худощавая, Поль нахмутив брови, устало смахивала едкие, соленые капли пота, жгущие глаза, а крошечные слезинки между тем робко скатывались по её гладким, бледным щекам. Она размолотила череп Брама вдребезги, но не могла припомнить, как оказалась здесь и кто есть такая. Смутная тревога о безвозвратно потерянном прошлом, и страх быть съеденной терзали Поль, не прекращая. Едва удерживаясь на тонких ногах, девочка остановила взгляд на ороговевших, красно-коричневых останках лица Брама. Длинная, заплатанная рубаха Поль небрежно свисала до колен и уже давно изнасилась, покрывшись множеством бесформенных дыр. Вещи издавали резкий запах гнили, а обломанные кровоточащие ногти на крохотных ручках потемнели от запекшихся, красных подтёков. Ожидая, когда судорога схватившая плечо отпустит, Поль опустилась на разделочный пень, покрытый ало бурыми пятнами, где обычно резали туши свиней. На макушке крошечной, детской головы пульсировал тонкий, разрез малинового цвета, откуда торчал плоский обломок куска железа чёрного цвета. На заднем дворе скрипнула калитка. Подняв глаза вверх, Поль увидела идущего вдалеке Жана.

– Лишь бы не заметил, – запричитало перепуганное сердце девочки. Дрожащая Поль задыхаясь от страха, пригнулась

к земле, а затем побежала, спотыкаясь и падая. Одновременно с тем в воздухе над её головой просвистело что-то тяжелое. Следующий камень размером с голубиное яйцо угодил прямо в середину затылка Поль. Девочка рухнула на землю, уронив лицо в лужу грязи. Жан умел хорошо охотиться и сейчас многолетняя сноровка его не подвела. Порыскав глазами, он встревоженно окликнул отца. Увидев лежащего на земле родителя, детина глухо заревел, сжимая до скрипа мощные тески – челюсти. Всхлипывая, Жан побежал к дому, сбив по пути крупного хряка одним яростным ударом, от чего животное, захрипев, упало. Большой, вялый мозг молчаливого Жана обычно не особо хорошо отвечающий внешнему миру, почуял беду. Горячие слезы намочили его щеки и широкую, рыжую бороду. Кулаки Жана ужасающей величины, посинели от напряжения, а внутри бурлила первозданная злость. Остановив взгляд на макушках вековых деревьев, Жан мгновенно переменял настроение. Теперь ему вспомнилось время, когда они с отцом, выслеживая дичь, пропадали сутками, в лесу. И тогда улыбка на долю секунды растеклась на его каменном лице, напоминая лошадиный оскал. В ту пору они еще охотились на животных. Только на животных. Вдвоём и по-честному. Олени и разного рода мелкие животные не редко бывали на большом обеденном столе, за которым собирались отец, мать, сестренка Агата и он сам.

Жизненный уклад семьи изменился, с кончиной Агаты. В

один из солнечных августовских дней, когда тепло еще было в силе, девочка помогала матери, когда та готовила ужин. Предстоял праздник, а именно день рождения Магбеты. В этот день она была крайне нервной и вспышки необузданного гнева происходили по любому поводу. Ноги и руки Агаты дрожали от напряжения, когда она несла большой чан с кипятком, с трудом удерживая в маленьких ладонях. Гигант Жан как раз в это время зашел на кухню. Разворачиваясь во всю ширину своего огромного тела, он подтолкнул младшую сестру, не заметив её ничтожного присутствия. Не устояв на ногах, Агата опрокинула почти всё содержимое кастрюли на грудь сидевшей напротив матери. Рассвирепев от накатившей боли, женщина в диком припадке ярости стала бить дочь. Глаза Магбеты налились кровью. Желчь, копившаяся месяцами, нашла, наконец – то повод выйти. В это время Жан парализованный страхом, застыл в углу кухни. Он знал вкус ударов Магбеты с самого рождения. Его подбородок трясла дрожь, а по штанам к ступням медленно стекала теплая моча. В себя пришла Магбета когда забитая у ног, Агата уже перестала подавать хоть какие-то признаки жизни. Посовещавшись с пришедшим мужем, Магбета приступила к разделке. Тысячи раз проделывала она это с тушками зверей, не растерялась и в этот раз. Заехавшим в тот вечер путникам был предложен молоденький поросенок, которого они съели с большим удовольствием. Так были решены два вопроса: как быть с тельцем и чем накормить нечаянно за-

ехавших на постой гостей.

Треснув дверь, Жан стал рыскать по дому. Заскочив в небольшую полуподвальную комнатку, увешенную блестящими цепями с почерневшими от засохшего жира крюками на концах, парень натолкнулся на мать. Краснолицая Магбета дребезжала, наклонившись над распахнутой настежь клеткой, постукивая по грязной решетке толстым, железным прутом.

– Папэ! Там, там! – задыхаясь, бубнил сын, указывая в сторону двери.

– Что с твоим дураком отцом может произойти?! А вот девка сбежала! – отмахнулась женщина. Массивные руки Жана потянули сильнее, заставив Магбету последовать за ним. Её грузное тело, небрежно тряслось, когда она пыталась успеть за быстро шагающим сыном. Мать всегда удивлялась, на сколько, изощренно способна природа распорядиться зверской силой и при этом обделить умом её сына. Родившийся маленьким и хилым, Жан в первую неделю был на волоске от смерти. Он задыхался и, не останавливаясь, плакал, но выжил. До трёх лет, мальчик не мог встать с постели, издавая мычащие звуки. Тогда он ползал, стирая живот и локти до мяса. Родители почти не обращали внимания на Жана, изредка подбрасывая ему постной еды. Долговязый Жан,

чаще интуитивно, понимал, что от него хотят. Примерно на уровне дрессированной собаки. Позже он, стал крепче. Стал неуверенно, шаг за шагом передвигаться по комнатам, а со временем перегнал по росту и величине всех членов семьи.

– Брааам, – заскулила Магбета, упав на одеревеневшее, ледяное тело супруга. Её пальцы вцепились в грязный отворот рубахи, а крупные слезы выводили извилистые линии на испачканной грязью и кровью шее мужа. Она долгое время не могла оторваться, прижимая холодные ладони рук к своим жирным губам. Спрятав широкие, могучие кулаки за поясницу, вторил её горю и Жан, опустивший раскрасневшееся лицо к земле. Одна из свиней, почуяв знакомый, сладкий запах мертвечины, подобралась к голове Брама, помятую макушку головы.

– Прочь, – завопила грузная Магбета, – сгинь тварь! Отпустив лохмотья Брама, она повернулась на правый бок, а затем на спину. Нервные судороги, сжимали её конечности, сворачивая в узел всё рыхлое тело.

– Ты кусок дерьма! – завопила она, воткнув сверлящий взгляд в молчащего Жана, – где ты был, когда это произошло?! Густой, липкий смех, вырвался из её горла усеянного мелкими, гнойными наростами. Выпятив оставшиеся, редкие зубы, Магбета смеялась, вырывая резкими движениями

чёрные, поредевшие волосы из верхушки своей качано образной головы. Испуганный и расстроенный Жан переминался с ноги на ногу. Его голова гудела от навалившихся переживаний, и он страстно желал унять свербящую тревогу. Бегающий, свирепый взгляд Магбеты остановился на опрокинутом тельце Поль, что по-прежнему оставалась без сознания. Едкая улыбка засохла на синеватых губах Магбеты.

– Сюда её! – зашипела она, властно метнув указательный палец в сторону девочки. Подняв лёгкое тело, Жан перенес обмякшую Поль к ногам матери. Живой, клокочущий блеск заметался во взгляде Магбеты. Подняв скользкий, испачканный грязью клинок Брама с земли, она медленно прядь за прядью стала отрезать грязно – золотистые детские волосы. Она не торопилась покончить с девчонкой, предвкушая медленную, обстоятельную расправу. В груди Жана кипели и жгли нутро неосознанные, раскаленные чувства. Смутные, лихорадочные воспоминания о маленькой Агате неосторожно всплыли, бесцеремонно вскрыв старые душевные раны. Он по-прежнему мучился тошнотворными спазмами, от страха перед женщиной, что родила его. Всхлипывая, человеческий монстр присел на землю, крепко обняв Магбету за плечи. В воздухе слышались глухие щелчки и треск лопнувших костей. Дрожащие пальцы рук Магбеты разжались, выпустив голодный до человеческих судеб нож. Сердце Жана бешено колотилось, а по лбу к глубо-

ко посаженным глазам медленно сползали капли едкого пота. Внутри стальных объятий Жана бушующий, яростный огонь, неуклонно терял силу. Постепенно отступая, боль переместилась к кончикам пальцев, и Жан увидел тонкую, багровую полосу, оставленную лезвием клинка. Тишина, вязкая и вонючая окутала слабое сознание Жана, но он начал догадываться о молчаливости прикрывшей веки Магбеты. Жан осторожно опустил черноволосую голову матери на пыльную, серую поверхность земли. Теперь сердце почти не чувствовало страшщей прежде его тревоги. Величайшей радостью преисполнился Жан, не слышавший больше хлестких, грубых слов Магбеты и брэнчания неугомонного Брамма. Великан лег между остывших, зловонных, кожаных кукол, прежде называвшихся его родителями, и прижал их к себе. Безмолвному Жану почему-то до дрожи захотелось почувствовать, линию сладких, душевных импульсов из детства. Так было много лет назад. В те времена Брам и Магбета ещё до конца не могли знать своего любимого дела. Они постоянно отвергали сына, но он любил их. Просто так, без причины. Прошло около двадцати двух лет, но Жан помнил многое. И он мечтал, чтобы это мгновение не останавливалось никогда. Оглушенная ударом, хрупкая Польша наконец выплюнула грязь. Сознание молниеносно вернулось. Увидев мертвый оскал Магбеты, девочка вспомнила, что эта старуха обещала приготовить из неё рагу через пару деньков. Великан Жан, почти не двигался, растянувшись на земле в сла-

достной неге. Поочерёдно с любовью поглядывая на молчащих Брама и Магбету, он удовлетворённо вздыхал. Тщедушное, детское тело маленькой Поль медленно поползло от дома Габсбургов прочь.